

Солдатское женское сердце
Карпенко Клера Яковлевна
Родилась в 1923 г. Сержант. Снайпер

Эту милovidную скромную женщину, до недавнего времени проживавшую в нашем селе, знают и помнят бичуряне. Клера Яковлевна Карпенко — одна из немногих женщин района, участниц Великой Отечественной войны.

Женщина и война - понятия несовместимые. Самой природой женщине предназначено быть продолжательницей жизни. На той кровавой войне женщины воевали. Их было 800 тысяч. Зенитчиц и пулеметчиц, снайперов и радисток, саперов и разведчиц. Да, у войны не женское лицо. Но кто, же тогда кормил солдат, стирал им белье, выносил на себе из огня, лечил в медсанбатах и госпиталях? Голодная, грязная и больная армия еще никогда не выигрывала сражений. И рядом с мужчинами на фронте и в тылу встали женщины.

Сегодня историки и публицисты доказали: не было такой военной профессии, которой бы не овладели женщины. Девочки 17 - 20 лет, надевшие шинели и сапоги сорок какого-то размера; матери, оставившие в тылу своих детей, не все вернувшиеся домой, не все дожившие до 9 мая, все они приблизили желанный День Победы. Старые солдаты говорят: война — это прежде всего адская работа и терпение. Один из них размышляет об этом так: «Солдат трудился, как муравей, каждый день. Копать, забивать, не спать до умопомрачения, мерзнуть, перемогать сырость, дождь, жажду, спать одетым, часто на сырой земле, а то и просто в снеговой ямке, терпеть вражеские пули и зверские минометные обстрелы — вот что такое война».

Где границы энергоресурсов человека? Им, женщинам-фронтовичкам, сейчас кажется, что все это было не с ними или было во сне. А ведь это было, было, было...

И с Осокиной Пелагеей Артемовной, проживающей в с. Потанино, рядовой 40 отдельного батальона II Белорусского фронта, и с Ивановой Анной Михайловной из Буя. Она, тогда младший сержант медицинской службы 2-й танковой армии II Украинского фронта, столько перевидела за войну раненых и искалеченных мужчин, что казалось — нет здоровых... Ануфриева Александра Ивановна (Хонхой) и Иванова Епистимея Нифановна (Новосретенка) принимали участие в военных действиях на Дальнем Востоке.

Этот рассказ о Клере Яковлевне Карпенко. Ее полное имя — Клеопатра. На войне она стала Кларой. В одном из писем с фронта, дописывая последние слова «Ваша любящая Клера», она тихонько вздыхает: «Как давно никто не называл меня этим домашним именем».

Клера Яковлевна — дочь одного из первых бичурских специалистов, ветфельдшера Якова Никитовича Карпенко, направленного из Верхнеудинска в Бичуру еще в 1921 году. Рассказывают, в их доме была непривычная для многих тогдашних бичурян стерильная чистота и... один из первых в Бичуре граммофонов. Клера Яковлевна родилась в 1923 году. Когда началась война, позади были 9 классов Бичурской средней школы и первый курс педрабфака. Рабфак пришлось оставить: в институте ввели плату за обучение и одновременно были отменены стипендии. Меры, продиктованные войной.

Закончив ускоренные курсы института усовершенствования учителей и получив диплом учителя математики, Клера Яковлевна работает в Сталинской семилетней школе (ныне Бичурская восьмилетняя школа № 3). Вечерами и по воскресеньям учится на курсах всеобуча. Вместе с подругами она подала заявление в райвоенкомат: «Прошу направить в Действующую армию добровольцем». Но учителей-женщин на фронт не брали, рассуждая так: война не вечна, а детей надо учить и в войну. Тогда Клера Яковлевна переходит на работу в госбанк: на служащих этого учреждения бронь не распространялась. Через короткое время разбитая полуторка, натужно гудя, уже везла девушек-добровольцев на призывной пункт в Улан-Удэ.

На удивление и зависть своих сильных, статных подруг, хрупкая и тихая Клера Карпенко прошла все строгие медицинские комиссии. И вот уже солдатский эшелон, тяжело громяхая на стыках, мчит будущих курсанток женской снайперской школы на Запад. Лежа на нарах в теплушке, посреди которой стояла железная печка-буржуйка с выведенной в окно трубой, Клера Карпенко, Лена Иванова, Дуся Солодухина, Катя Волосатова (все они из Бичуры) в первый раз из окон вагона видели свою страну. Из Бурятии их ехало тридцать девушек. Мелькали заснеженные безлюдные платформы, привокзальные будки с вывеской «Кипяток». Приближались к прифронтной полосе. С нетерпением ждали, когда будет их станция. В Подмосковье, по инициативе ЦК ВЛКСМ в 1943 году была сформирована Центральная женская школа снайперской подготовки.

В приказе Наркомата обороны СССР за № 0367 от 21 мая 1943 года говорилось: «К 25 июля 1943 года сформировать на базе женских курсов отличных стрелков Центральную женскую школу снайперской подготовки в составе двух батальонов... Отбор произвести из женщин-добровольцев в возрасте до 25 лет с образованием не ниже 7 классов и прошедших обучение в снайперских комсомольско-молодежных подразделениях всеобуча».

Курсантки школы (за 27 военных месяцев ее окончили 1885 девушек-снайперов) воевали на всех фронтах. Они уничтожили более дивизии фашистов. Выпускницы школы (а ни одной из них не было более 25 лет) проявили

в боях мужество и героизм. Двум присвоено звание Героя Советского Союза. К. Я. Карпенко бережно хранит книгу «Снайперы», написанную бывшим начальником политотдела снайперской школы Е. Никифоровой с дарственной, надписью: **«Снайперу Кларе Карпенко — в память о девушках-снайперах, погибших в боях за Родину. Е. Никифорова».**

Эшелон, с которым прибыло пополнение, остановился на запасном пути. С первого дня закружил водоворот дел. Острижены косы, получено обмундирование: полушубки, брюки, сапоги. Парадная форма — юбка, гимнастерка, пилотка. Клера Карпенко вместе с Леной Ивановой попали в четвертую роту. Роты формировали по росту снайперов. Самых высоких за стать называли «королевами», а тех, кто ростом не удался, «карандашами». «Зато нам легче маскироваться будет», — отшучивались «карандаши» из четвертой роты. Жили в казармах. Тускло светили лампочки. Почти все помещение занимали высокие трехъярусные нары. У стенки — пирамида с винтовками, вешалка для шинелей. Начались горячие дни. Личное время — 1 час в сутки, 40 минут отводилось на чистку оружия, 15 часов в сутки — учеба и тренировки. Изучали дисциплинарный устав, строевую, огневую, химическую подготовку. Осваивали военную топографию, саперное дело.

Винтовку-трехлинейку и снайперскую девушки научились собирать и разбирать чуть не с закрытыми глазами. Берегли оптические приборы: бинокль, прицел, перископ. Но прежде чем произвести первый выстрел боевым патроном, надо было основательно изучить теорию. Тут-то и пригодилось Кларе Яковлевне отличное знание математики. Она быстро и точно научилась определять расстояние до цели, скорость ветра. Надо было учитывать скорость движения цели, тренировать зрение, отрабатывать твердость руки, стрелять из любого положения. Не раз, возвращаясь со стрельбища ни много, ни мало за 7 Километров, благодарила судьбу за то, что выросла в деревне, прекрасно ходила на лыжах. Пригодились и длинные пробежки по бичурским горам, которые приходилось делать во время занятий всеобуча.

И вот принята присяга. Перед уходом на Фронт девушек сфотографировали у Знамени школы. Но на фронт Клера Карпенко и ее товарищи попали в то время, когда Советская Армия вела стремительное наступление. В засаде сидеть приходилось мало, зато участвовали в общих боях, ходили на прочесывание, стояли на посту в карауле. Тогда же были сделаны первые записи в снайперских книжках, открыт лицевой счет снайпера с точным указанием даты, количества истребленных фашистов и подписи наблюдателя и командира роты.

И вот уже летят из-под Брест-Литовска домой письма сержанта Карпенко.

Здесь мне хотелось бы сделать отступление. Среди сотен солдатских писем, о которых я рассказываю, не было ни одного, автор которого остался бы жив. Письма вернувшихся с войны фронтовиков разыскать не удавалось. И вот как-то Клера Яковлевна, с которой у педагогов и учащихся Бичурской средней школы № 1 давняя дружба, показала нам и разрешила опубликовать свои четыре сохранившихся письма, обратный адрес которых - пылающий адрес войны. Впервые появилась возможность получить комментарий самого автора к описываемым событиям. Пишу о человеке, которого знаю давно, с самого моего детства. Ее муж, известный в свое время музыкант Александр Константинович Шацкий, был нашим учителем пения. Он организатор и капельмейстер первого в республике колхозного духового оркестра, гремевшего еще в далекие довоенные годы.

Клера Карпенко и Лена Иванова (с последней мы жили на одной улице через дорогу), были первыми в жизни нашего поколения женщинами из войны. Года три или четыре после войны Клера Яковлевна ходила, сильно прихрамывая, с тросточкой. Тогда я не могла знать, что эта двадцатитрехлетняя молодая женщина — инвалид Отечественной войны II группы. На ней была неизменная защитного цвета юбка и пилотка. Это я помню хорошо. «Парадную форму донашивала после Победы, — заметила как-то в разговоре Клера Яковлевна, — Выручила и шинель, в которой меня проводили из Львовского эвакогоспиталя. Перелицевала ее и сшила пальто на все сезоны». Но Клера Яковлевна запомнилась даже не потому, что ходила в военной форме (наш учителя-фронтовики не снимали ее до середины пятидесятых годов) и не потому, что была ранена (сколько тогда ходило по Бичуре солдат, у которых пустой рукав заткнут за ремень, а вместо ноги — деревяшка. Сейчас их осталось совсем мало...). Многие запомнили ее потому, что она была немислимо, неправдоподобно худа. Идя по улице, она старалась не видеть сочувственных взглядов прохожих.

Запомнились черные, печальные глаза, которые, как мне кажется, до сих пор не научились смеяться. На ее долю выпало около полутора лет войны. Вроде бы немного, 450 дней. Но если каждый день—между жизнью и смертью. Если сегодня утром не знаешь, будет ли светить для тебя завтрашнее солнце? Если в памяти прощальные салюты из снайперских винтовок, над могилами друзей и деревянные пирамиды обелисков со звездой из консервной банки. Если за полгода семь мучительных операций, во время которых из ее живой ткани вынули почти полкилограмма металла? А между операциями — неподвижность. Она была, как в панцирь, закована в гипс, полгода хлебала суп с тарелки, поставленной на этот панцирь на груди.

И эти «если» можно продолжать.

Когда командир отделения снайперов Клера Карпенко вернулась с войны, она весила 37 килограммов.

...Летели письма с фронта в Бичуру отцу Якову Никитовичу, Маргарите Георгиевне, заменившей ей мать, рано ушедшую из жизни. Письма брату Андрею — он тоже был на фронте. Сестре, учительнице Зине, она жила в Хараузе Читинской области, подругам Вале Вахмяшной и Шуре Акимовой. Как она скучала, волновалась, рвалась домой, но в то же время старалась быть сдержанной и терпеливой. Лишь изредка мягкие упреки: редки письма из дома.

В составе I Украинского фронта, 309 стрелковой дивизии сержант Карпенко с боями перешла государственную границу СССР. В середине января 1945 года загремели пушки I Украинского и I Белорусского фронтов. Началась Висло-Одерская операция. Клера Яковлевна ее свидетель и участник. В эти дни небо Москвы не раз озарялось победными, салютами: освобождена Варшава, враг изгнан из Кракова, советские войска вступили на территорию Германии. Один за другим в тяжелейших боях освобождали от фашизма немецкие города. Случалось входить и в пустые города. Много легенд о жестокости советских солдат сочиняла фашистская пропаганда.

Действующая Армия, 1945 год.

Здравствуйте, мои дорогие родные, папа, мама. Примите мой горячий привет и пожелания всего хорошего в вашей жизни. Давно не получала от вас писем. Как ваше здоровье, как идут дела?

Мы больше на колесах. На днях ночевали в одном городе и даже впервые за войну спали на перинах. Окраина города сожжена немецкими войсками. Мы приехали в лес. И вот сейчас расположились в лесу. Над нами летают немецкие самолеты, бьют зенитки, так что все время находимся на передовой. Проходили по городу, абсолютно никого нет. В домах все брошено. Одежда, мебель, посуда—все на своих местах, а людей нет. Крепко запугали нами местное население. Питаемся мы хорошо.

Привет всем знакомым: Матрене Кузьминичне, Ерофею Артамоновичу и их семье, Гараниным и всем остальным.

Крепко-крепко целую, ваша дочь Клера, извините, что плохо пишу, пишу на коленях. Очень жду ответ.

За несколько дней до этого письма освобождали один из немецких городов. Командир снайперского отделения Карпенко получила задание: пробраться через городскую площадь и выбить фашистов из домов за площадью, где они установили свои пулеметы, закрепились и всеми силами препятствовали продвижению наших, стремясь удержать свой хорошо оборудованный рубеж. Сражение шла за каждую пядь земли. Потери с обеих сторон огромные. Девушки-снайперы, хотя это и не было положено, наравне со всеми ходили в атаку. Забегая вперед, скажу: за этот бой Клера Яковлевна получила боевой орденом Красной Звезды. Но о своем участии в этом бою она говорит

очень скупое: «Мы получили задание занять площадь и выбить фашистов из их укрепления. Мы пошли. Точнее ползли или перебежали. Словом, заглушили огневые точки противника, которые были на нашем направлении. Забросали их гранатами, и дальнейший путь был открыт».

Так просто... «Заглушили огневые точки и дальнейший путь был открыт».

Враг был уничтожен благодаря мужеству, решительности действий, меткому огню снайперов. Орден Красной Звезды был вручен Клере Яковлевне уже после Победы в Бичурском РВК в обстановке будничной и прозаичной. Впрочем, так же, как спустя 40 лет второй орден Отечественной войны I степени.

В боях встретили воины день Советской Армии, победного 1945 года. Приближались к логову фашизма, и не было бойца, не мечтавшего участвовать в последнем сражении за Берлин. Но Клере Яковлевне не повезло. Или повезло? Кто теперь скажет, каким был бы финиш ее солдатской судьбы, если бы не день 25 февраля 1945 года, когда в уличных боях за город Бреслау Клера Яковлевна - получила тяжелое ранение?

Дорогой ценой достался нашей армии этот немецкий городок.

В «Обзоре военных действий с 31 января по 6 февраля 1945 года» говорилось:

«Войска Первого Украинского фронта форсировали реку Одер юго-восточнее города Бреслау и прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на западном берегу реки. За три дня наступательных боев советские части продвинулись вперед до 20 км., расширив площади на 80 км. по фронту.¹

Прошло двадцать дней непрерывных боев. И вот сообщение о военных действиях с 21 по 27 февраля:

«В районе Бреслау наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки противника и заняли ряд кварталов. 22 февраля советские части захватили в южной части города 130 немецких орудий, в т.ч. 80 орудий большой мощности».²

В эти дни выполняла боевые задания боец взвода разведчиков Клера Карпенко.

Города в привычном понимании не было. Не было ни улиц, ни рядов домов. Повсюду груды битого кирпича, стекла, камня, следы пожарищ. Дороги заминированы. Фрицы, засевшие в подвалах и полуразрушенных зданиях, месили подступы минометным огнем. Не было видно снега, хотя он

¹ Ленинский путь, 8 февраля 1945 года.

² Ленинский путь, 3 марта 1945 года.

шел. Черная земля и воронки. Говорят, два раза снаряд в одно место не попадает. Вероятно, здесь в одну и ту же воронку угодила ни один снаряд. Утром этого Дня, 25 февраля, успела К. Карпенко написать домой письмо. Впервые за войну почему-то прорвалась боль. Неужели сердце предчувствовало беду? Было обидно, что почти полгода из дома нет писем. Беспокоило состояние брата. Он на фронте получил от фрицев «подарок», был ранен в ногу и вдобавок носил под сердцем осколок фашистского снаряда.

25 февраля 1945 года.

Привет с фронта!

Здравствуйте, мои дорогие родители, папа, мама и дорогой брат Андрияша!!! Как вы живете и как ваше здоровье? Почему вы мне ничего не пишете? Я сейчас за тысячи километров от вас в чужой стране. Трудно сказать, вернусь ли домой. Трудно потому, что на каждом шагу подстерегает опасность. Но тем не менее я ни на минуту не теряю надежды встретиться с вами, с теми, кто для меня дороже всех на свете.

Вы не можете себе представить, как мне тяжело сейчас ваше молчание. Андрияша, я думаю, ты особенно хорошо должен это понять, ведь ты сам был на фронте. Так больно, когда другие получают письма, а ты нет. Я сейчас впервые за все время пребывания на фронте пишу и плачу. Но ничего, родные, как-нибудь переживем. Война скоро кончится. Жива буду — встретимся.

Писать заканчиваю, так как сейчас наш полк двинется вперед.

Ну пока.

Крепко-крепко целую, ваша дочь Клера.

По классическим правилам снайперской «охоты» на задаче снайперы выходят парой. В этот день они шли с Леной Ивановой. Перебраться через улицу было решительно невозможно. Из оконных провалов полуразрушенного кирпичного дома фашисты поливали огнем из минометов. Здесь и была ранена Клера Карпенко.

Брюки расплзлись на глазах, превратились в тряпичное решето. Лена прикрыла подружку шинелью, а незнакомый боец, лицо которого и сегодня помнит Клера Яковлевна, затащил ее в разрушенный дом, отыскал угол поцелей и устроил в углу на подвернувшемся под руку стуле. Обе ноги и левая рука были перебиты. Сюда же принесли еще одного солдата, раненого в живот.

«Ждите, ребята, санитары придут за вами», — только и успели сказать им. Под вечер город был взят. Пришли санитары, той же ночью медсанбат и полевой госпиталь. Началась больничная эпопея, растянувшаяся на полгода. Долго колдовали хирурги над перебитыми ногами девушки. Страшила угроза гангрены. Заключение врачей было суровым: «Крупнооскольчатый перелом левого бедра в средней части, 13 крупных металлических осколков на уровне перелома в левой и правой ноге». На пятый день, усилием воли, выбрав ми-

нугу, когда боль чуть-чуть отступила, заставила себя Клера Яковлевна написать письмо домой. Надо, заметить, у нее аккуратный учительский почерк. Орфография безупречная. Это письмо, написанное под синюю копировальную бумагу — отцу и подруге (на два письма просто не хватило бы физических сил) — можно прочесть с трудом, строчки сползают, набегают одна на другую, нет ни точек, ни запятых.

1 марта 1945 года.

Дорогие мои. Не получала от вас писем пять месяцев, а теперь уж, наверное, не получу совсем. Вот уж пятый день, как все это случилось со мной. Я не хотела вас тревожить, но, думаю, молчание еще больше огорчит вас. 25 февраля направили нас ползвода на выполнение боевой задачи по уничтожению противника в г. Бреслау. Пошла и я со своей парой. Пошли вперед, ну, тут и случилось то, что было с Андреем... В общем нахожусь в полевом походном госпитале. Лежу и смотрю только в потолок. Ранение из миномета в обе ноги и левую руку. Особенно не беспокойтесь. Жива буду — встретимся. Передайте привет Вале Вахмяниной, Наталье Васильевне, Федору Кузьмичу, семье Петровой Матрены Кузьминичны. Вот сейчас за стенкой идет концерт для ходячих, а мы лежим и говорим: надо бы прорубить стенку, тогда и нам будет видно трошки.

Ну, пока до свидания, дорогие мои. Напишите сестре Зине, а то я уже устала. Извините, что плохо написала.

Целую. Ваша Клера.

7 апреля 1945 года.

Привет из Германии!

Примите мой горячий привет и массу самых наилучших пожеланий. Пишу вам и не знаю, может, вы моих писем совсем не получаете, так как ответа я не могу дожидаться. Может быть потому, что нет у меня постоянного адреса. Нахожусь пока еще в Германии, уже в третьем госпитале. Полтора месяца, как я ранена, а улучшения почти никакого. Сняли гипс, так как была высокая температура, но кость не срослась. Сделали рентгенснимок. Врач сказал, что перелом хороший, смещений нет, кость срастется, так что я ранения чувствовать не буду. Но я все же не очень верю. Мне кажется, что ноги мне не видать, так как раны очень большие.

Вчера опять наложили гипс. Простите, что только про себя пишу. Как говорится, «у кого что болит»... Вижу потолок и стены палаты, слышу стоны раненых. А так хочется походить немножко, хотя бы на костылях попрыгать, но остаюсь довольна тем, что хожу... во сне. Во сне же часто бываю дома, могу видеть вас и разговаривать с вами. Впрочем, я не совсем обижена судьбой и когда-нибудь мы еще встретимся с вами.

Целую крепко, ваша дочь Клера. Давно никто не называл меня этим именем и не назовет, пока не приеду домой.

Она лежала в мужских госпиталях. «Отгородят нас девушек простыней, вот и женский лазарет. Но какое теплое, отеческое отношение было к нам со стороны бойцов и медперсонала». Раненых перевозили в города поближе к восточной границе. И вот настал день, когда Клеру Карпенко принесли на

носилках на перрон, забитый людьми. Яблоку упасть негде. «Девочку, девочку возьмите», — требовал пожилой санитар, — пробираясь к дверям вагона.

21 апреля 1945 года.

Нахожусь на излечении в городе Львове.

Их в палате неходячих было четыре девушки. Перед рассветом 9 мая в городе началась беспорядочная стрельба. Раненые насторожились. Были здесь, случаи, когда недобитые, блуждающие по лесам банды бандеровцев совершали нападения на госпитали. Распахнулись двери палаты, На пороге, радостные и счастливые главврач, замполит, медсестры: «Девочки, Победа! Войне конец!».

В эти дни нашло Клеру Карпенко письмо подруги из Улан-Удэ Шуры Акимовой.

17 апреля 1945 года. Улан-Удэ.

Здравствуй, дорогая подруга Клера. Моя милая девочка, сегодня я услышала, наконец, о тебе. То, что я узнала, меня поразило. Я этого не ожидала, хотя на войне этого можно было ожидать каждую минуту. Родная, ты не беспокойся, все будет хорошо. Только не нервничай, береги себя, поправляйся. Мы с тобой еще танцевать будем. Подай телеграмму, когда поедешь домой, чтоб я могла тебя встретить на вокзале в Улан-Удэ.

Твоя мама пишет, что ты не получаешь от них писем. Может и от меня не получишь? Я получила твое последнее письмо из города Шильберг (Германия). И с тех пор не знала, где ты. Как твои раны? Наверное, делали операции. Мой папа тоже в Германии. Вот уже второй месяц нет от него писем. Не знаем с мамой, что думать. Нынче весной встретила Ивана Беспалова, приезжал на побывку домой. Сейчас переписываюсь с ним. Дмитрий Молоков вернулся раненый. Женился. Роман Петров убит. Город сейчас цветет, кругом зелень, Открыт горсад, цирк и кинотеатр «Прогресс»,

Выздоровлявай, дорогая. Пиши. Шура Акимова.

В этом письме Александра Романовна упоминает одноклассников Клеры Яковлевны. Я рассматриваю довоенные фотографии учеников Бичурской школы, а Клера Яковлевна не громко говорит: «Почти все они воевали. И ученики, и учителя. Воевали Афанасьевы Лазарь Анисимович и Прокопий Савельевич, Гнеушев Лаврентий Матвеевич и Тюрюханов Гавриил Григорьевич. Это Дмитрий Молоков, рядом с ним Михаил Георгиевич Бутаков. Он был ранен, лишился руки. После войны работал директором Бичурского детдома. Воевали Гавриков Петр Афанасьевич и Иран Беспалов. Оба ранены. Петя Гавриков прошел ужасы концлагеря, умер сразу после войны в Узком Луге. Погиб мой сосед Роман Петров. Фотографии эти были сделаны им. Погиб Мартин Ястребов из Алтачая.

В начале войны призвали в армию почти всех наших учителей муж-

чин».

Сержант Карпенко была де: мобилизована в августе 1945 года.

«Выдали в госпитале обмундирование, солдатские ботинки (а ноги у меня тоненькие, как спички). Хоть тяжело, с костылями и на прямой ноге, но пошла я. на «толкучку», продала эти ботинки, купила брезентовые туфли, зеленые, со шнурками. Оттуда на вокзал и домой. В Москве несколько дней отдыха. Вспомнилась Москва военного 44 года. Приходилось здесь бывать в увольнительной, когда училась в снайперской школе. И вот 1 сентября на попутках добралась из Улан-Удэ до Бичуры. Сошла с машины, ехала наверху. Ступила на родную землю, и все видеть перестала, хоть был ясный, тихий день. Первой меня встретила и обняла бабушка Кати Мостовщиковой.

Так началась моя мирная жизнь. Позже закончила Иркутский учетно - кредитный техникум. Выросли дети. Сейчас У меня уже пять внуков. А война все время в изголовье стоит. То раны напомнят, то письмо от фронтовой подруги Гали Коротких получу — и снова сердце будто сожмет. Галю наградили именной снайперской винтовкой, оставляли работать в снайперской школе, но она заявила: «Только на фронт». Напоминают о пережитом приглашения и поздравления Совета ветеранов Центральной женской снайперской школы». Читаю:

«Милая боевая подруга далеких военных лет. Поздравляем тебя с Днем Победы. Приглашаем на торжественную встречу командиров и курсантов ЦЖСШ, которая состоится в Измайловском парке Москвы 9 мая 1975 года в одиннадцать часов». О далекой и близкой войне напоминают присланные ей книги о подвигах выпускниц снайперской школы, а однажды она получила стихотворение летчика В. Балыкова, посвященное девушкам снайперам:

Девчатам в небе страшновато.
Я сам летал, но вам скажу:
Лежать в окопе, быть солдатом —
Служб тяжелей не нахожу,
А вы-то снайперы! О ужас!
Ползти нейтральной стороной,
Ничем себя не обнаружив,
Лежать за кочкой в дождь и зной.
Следить врага и хладнокровно
Ловить в прицел чужой мундир.
Там в паре снайперской сплоченной
ты и боец, и командир.
Вам отвечает зло на выстрел
Противник гибельным огнем,

Хвала и честь, кто в битву вышел,
Чтоб защитить советский дом.
В военном небе жутковато.
Я сам бомбил, но вам скажу:
Служить в пехоте, быть солдатом.
Опасней служб не нахожу.

Солдатское женское сердце. Непривычное сочетание. Но так было. В одном сердце носила женщина-фронтовичка любовь и ненависть, нежность и гнев, страх и ярость, милосердие и беспощадность. Потому и болит сердце в наше беспокойное время у ветерана войны Клеры Яковлевны Карпенко. Болит и верует в мир ее солдатское женское сердце.